

ровская империя находится в состоянии войны. Быстро и безо всякого шума. И секретные акты Политического архива Министерства иностранных дел подтверждают намерение срочно отменить первоначально запланированную немедленную высылку российского эмигранта д-ра Израиля-Александра Лазаревича Гельфанда-Парвуса в случае его въезда в Германию. Тут приходится собственоручно подключиться Рейхсканцелярии в лице господина унтер-статс-секретаря. В ответ министр внутренних дел уже 12 марта сообщает об исполнении:

*Министр внутренних дел
IV. с. 1615. II. Ang.*

Секретно!

Покорнейше извещаю Ваше Высокоблагородие в ответ на любезное письмо от б с. м. — Rk. 742, что 7 с. м. я, в духе вышеуказанного письма, направил распоряжение здешнему полицей-президенту об отмене высылки д-ра Гельфанда-Парвуса вследствие соответствующего понимания со стороны упомянутого лица и вследствие выдачи ему полицейского паспорта.

Далее Верховное командование, в ответ на его ходатайство, указало здешней комендатуре об освобождении Парвуса от всех ограничений, касающихся представителей вражеских государств.

По поручению: Древс

Господину унтер-статс-секретарю в Рейхсканцелярии

Теперь для германской стороны персональная проблема в чрезвычайно рискованной политической затее, кажется, решена — во всяком случае, в том, что касается центральной фигуры.

ПЕРВЫЙ МИЛЛИОН

Кайзеровский посол в Копенгагене фон Брокдорф-Ранцау объясняет своему канцлеру в Берлине Бетман-Гольвегу в уже упомянутом письме от 6 декабря 1915 г. также следующее: «Ясно, что д-р Гельфанд не является ни святым, ни удобным гостем».

Брокдорф должен терпеть этого д-ра Гельфанда, его назойливую манеру преподносить себя повсюду как влиятельнейшего

делового человека и политика, который благодаря своему многолетнему опыту и чрезвычайно далеко идущим связям с деловым миром, с промышленностью и с социал-демократией является идеальным партнером для создания хорошо замаскированной организации, которая может использовать все необходимые каналы вплоть до радикальных группировок в Петрограде, чтобы успешно инсценировать антицаристскую революционизацию в России.

Трудно представить, что прусскому дипломату с безупречной внешностью и верноподданному кайзера, племяннику очень влиятельной при дворе обер-гофмейстерины императрицы графини Брокдорф, может нравиться этот политический делец. Но ему направили д-ра Гельфанд из Берлина по высочайшей рекомендации. И в столице Рейха ожидают позитивного ответа. Поскольку этот человек выступает как видный теоретик-социалист, кроме того, кажется, насквозь проникнут последовательными представлениями и концепциями о революционизации периферийных российских территорий и свержении царизма, Брокдорф пишет в своем секретном сообщении: «Однако он верит в свою миссию и прошел испытание своих способностей во время революции после Русско-японской войны. Поэтому я считаю, что нам следовало бы его использовать».

Этим все сказано. Теперь Брокдорфу и приходится его использовать.

Посол, естественно, знает о противоречивости ощущений и намерений Его Величества и проводит мысленную рокировку, которая выглядит скорее как логический кувырок: Гельфанда следовало бы использовать, пока не поздно.

Брокдорф рекомендует:

«Нам бы следовало [...] настроиться на такую политику с Россией, которую наши внуки когда-нибудь назовут традиционной, если немецкая нация под руководством дома Гогенцоллернов окажется в долгосрочной дружбе с русским народом.

Прежде чем царская империя в своем нынешнем составе не будет потрясена, эта цель не будет достигнута. Д-р Гельфанд считает, что может указать путь, и подает, опираясь на 20-летний опыт, позитивные предложения. Ввиду нынешнего положе-

жения мы, по моему мнению, должны рискнуть сделать попытку. Ставка, конечно, высока, а успех не обязательно обеспечен».

Несмотря на рекомендации Гельфанда, посланник чувствует себя в своей позиции не очень уютно. Но другого, более подходящего человека по части политики революционизации у него сейчас под рукой нет.

Влиятельные берлинские инстанции, в сущности, ожидали именно такой оценки Брокдорфа и утвердительной ответной рекомендации. Д-р Гельфанд, о котором сообщили из Копенгагена, предстает в Берлине перед несколькими ведомствами и в целом получает зеленый свет для своих обширных планов.

Воодушевленный Гельфанд едет назад в Копенгаген, где с лета 1915 г. находится его официальное место жительства и деятельности. Здесь, в датской столице, он хочет создать свой центр для запланированного путча в Петрограде.

Гельфанд во всей полноте сообщает кайзеровскому посланнику, насколько успешными были его беседы в столице Рейха. А посол вновь информирует рейхсканцлера в своем сообщении № 489 от 21 декабря 1915 г. из копенгагенской миссии:

Совершенно секретно!

Через курьера.

Д-р Гельфанд, возвратившийся вчера из Берлина, сегодня посетил меня и сообщил мне о результатах своей поездки; он отмечал, что был принят во всех руководящих инстанциях с наивысшим вниманием и составил себе определенное впечатление, что его предложения принципиального характера нашли одобрение как в Министерстве иностранных дел, так и в Имперском казначействе. Относительно его финансового плана ему было указано, что господин статс-секретарь Имперского казначейства должен будет решить, имеются ли возражения против плана с позиции имперских финансов. В ходе обстоятельной беседы с Его Превосходительством Гельферилем он убедился, что господин статс-секретарь относится к проекту вполне благожелательно и не только одобряет план из политических соображений, но и без ограничений признает его целесообразность с точки зрения имперских финансов.

Последнее было для посла, конечно, самым важным пунктом, т. к. д-р Гельфанд вновь и вновь, сначала скромно и доверительно, затем все более настойчиво, указывал на миллионные суммы, необходимые для разжигания революции. Если революционные миллионы теперь все же одобрены в Берлине, значит все компетентные в этом отношении ведомства обговорили друг с другом большую политическую линию. Тогда к этому относятся серьезно. Это хотя и успокаивает посла, но он все же должен, следуя старой дипломатической традиции, повторить этот факт столь недвусмысленно для еще одного подтверждения Берлином и для своего прикрытия, чтобы задним числом никто не мог отговориться, ссылаясь на какое-либо недоразумение в обоюдной переписке.

Именно по этой причине Брокдорф затем прямо упоминает и о том, как сложно сохранить в тайне столь масштабное и дорогое предприятие, и потом повторяет сумму, о которой упомянул перед ним Гельфанд:

Чтобы полностью организовать русскую революцию, продолжал д-р Гельфанд, требуется около 20 млн рублей; исключено, что вся эта сумма будет немедленно представлена для распределения, т. к. имеется опасность, что тогда станет известен источник.

Брокдорф должен упомянуть и суеверность Гельфанда по поводу курьера, который хочет тотчас доставить первый миллион в Петроград:

Однако ввиду того, что вот-вот предстоит начать акцию, он предложил в Министерстве иностранных дел немедленно предоставить сумму в один миллион рублей его доверенному лицу.

Доверяет ли вышколенный дипломат курьеру Гельфанда или нет, не имеет значения. Несмотря на это, Брокдорф, однако, предусмотрительно избавляет себя от какой-либо обязанности контроля перед Берлином, указывая на цейтнот, оправдывающий в данном случае согласие на выдачу денег без дальнейшего наведения справок об этом лице в целях безопасности:

Его доверенное лицо после своего возвращения, которое последует примерно через 8 дней, немедленно приступит к организации связи между революционными центрами; без значительных средств ее наладить нельзя.

Д-р Гельфанд попросил меня в этой ситуации повторить свою просьбу, высказанную устно в Берлине, и предоставить в распоряжение его доверенного лица всю сумму; он настоятельно отметил, что необходимо спешить, поскольку доверенное лицо не может больше откладывать свое возвращение в Санкт-Петербург.

Брокдорф, конечно, догадывается, что возлагается на него, представителя кайзера в дипломатической миссии в нейтральном Копенгагене, в связи с посредником д-ра Гельфанда и тайной организацией, которую предстоит создать. Он просит со свойственной ему традиционной церемонностью о скорейшем, по возможности телеграфном, ответном подтверждении и утверждении:

Позволю себе просить Ваше Превосходительство в целях информирования д-ра Гельфанда о крайне необходимом телеграфном указании, в то время как я не премину почтительнейше заметить, что его предложение не производит на меня впечатления нажима, а представляется проистекающим из деловых соображений без личных побочных намерений.

Под энергичной подписью графа Брокдорф-Ранцау на курьерском сообщении можно прочесть: «Содержание: Революционизация России».

Повторные сообщения дипломата и его прокомментированная осторожность перед Берлином в точности соответствуют обстоятельствам. Однако в предположении, что планы Гельфанда не производят впечатления нажима и представляются лишенными личных побочных намерений, дипломат в корне заблуждается. Ему самому еще придется узнать об этом.

Но пока что Гельфанд 29 декабря дает собственноручную расписку:

29 декабря 1915 г. получил миллион рублей многими банкнотами для поощрения революционного движения в России от германской миссии в Копенгагене.

Д-р А. Гельфанд.

Программа революционизации, мощно поддержанная финансами германской стороны, начинает разворачиваться, и рубли покатились.